

Приоритеты общественной мотивации в условиях доминирования экономической системы

Астафьев И.В., канд. экон. наук

Приводятся описание и общие характеристики инструментария общественного целеполагания в контексте их взаимодействия с традиционной экономикой.

Ключевые слова: мотивация, управление, институт, кризис, экономика, целеполагание.

Public Motivation of Priorities in Conditions of Economic System Domination

I.V. Astafyev, Candidate of Economics

The article gives the description and the general characteristics of instrumentation of public understanding of the target in context of their interactions with conventional Economics.

Key words: motivation, direction, institution, crisis, economy, target.

Повторение со все возрастающей силой кризисов системы свободного рынка является экономической закономерностью. Они имманентны экономической системе свободного рынка. Такая точка зрения в той или иной форме уже достаточно давно высказывалась множественном экономистов, в том числе классиков экономической теории (Дж. Локк, Ж. Сисмонди, К. Маркс, А. Маршалл, Т. Веблен, Дж. К. Гэлбрейт и др.). Но несмотря на то, что проявления нынешнего глобального экономического кризиса дали многим повод к кардинальному пересмотру взглядов на организацию общественного производства и распределения, источники кризиса многие продолжают искать либо в локальных просчетах экономической политики, либо в неблагоприятном стечении обстоятельств.

Между тем, если рассмотреть мотивацию как общественный институт, есть основания полагать, что первопричиной кризисов являются не только и не столько экономические факторы, сколько опосредующие их мотивационные конфликты. Они проявляются в противоречии глобальных интересов общества и материальных интересов индивида, охватывают сферы вне- и надэкономической деятельности, поскольку всякое распределение общественных благ основано на их рыночной (денежной), а не на ресурсной (трудовой) оценке. В настоящее время рыночная экономика, пребывая в институциональной стадии развития, «стала не более чем инструментом максимизации доходов, но не максимизации [объемов] производства» [2, с. 33], что объективно обусловлено отсутствием всяких (в данном контексте уже неважно, верных или неверных) надэкономических общественных целей, кроме целей максимизации личного потребления.

Следующим ведущим противоречием экономической природы в системе свободного рынка является классовая (по Марксу) или, скорее, ситуативная (применительно к постмодернити) системная диспропорция в распределении благ во-

обще и трудовых доходов в частности. Некоторые исследователи, применяя показатель неравномерности распределения доходов в обществе в качестве интегрального показателя состояния эффективности организации производства, с помощью математико-статистических методов приходят к тем же выводам. В частности, В.Д. Шабалин, называя такую величину «коэффициентом вырождения», определяет его по отношению к США 1929 г. на уровне 50, а в современной России – 20 [10, с. 59]. Можно спорить об объективной точности значения, но нельзя не признать объективность явления.

Одним из объективных индикаторов наличия вышеуказанных мотивационных конфликтов является инфляция, систематически существенно превышающая фактический прирост производства в сопоставимых единицах и расширение производства в виде инвестиционной составляющей. Этот разрыв можно наблюдать как на примере экономических показателей нашей страны в период 2000–2005 гг., так и на примере флагамена экономики свободного рынка, США, в период относительного системного «расцвета» (1975–1988 гг.) [1, с. 137–139].

Институт мотивационной деятельности в постиндустриальной системе, в отличие от института экономики, должен иметь в своем распоряжении соответствующие инструменты, методы и особую организационную структуру. Выявим взаимосвязи института мотивационной деятельности с другими общественными институтами. Это, прежде всего, *институт экономики* (категории потребительной стоимости и стоимости); *институт права*, и прежде всего гражданского (категории собственности и способа ее присвоения и распределения); *институты культуры и религии* (категории общественной морали, общепринятых норм поведения, этики); *ин-*

ституты политики и управления обществом (категории организации общественно-полезной деятельности и контроля за ее эффективностью, включая обеспечение охраны правопорядка и оборону – категории самосохранения); и наконец, институт науки и образования (категории научно-технического прогресса, совокупной базы знаний общества и воспроизводства компетенций).

Очевидно, что институт мотивационной деятельности неизбежно должен взаимодействовать с каждым из этих общественных институтов посредством взаимовлияний различных типов. Обозначим эти типы взаимодействий институций как *материальные* (ресурсные); *целеобразующие*; *нормозадающие* (формирующие правила поведения) и *методические* (формирующие образы действия в рамках единого правового поля).

Схема взаимодействий общественных институций приведена на рисунке. Согласно этой схеме, исключив институт мотивационной деятельности из взаимодействия институций, утрачивается системное единство функционирования общественных отношений и верховенство естественным образом оказывается у той сферы общественной деятельности, в распоряжении которой находится необходимое условие для деятельности любого социально общественного института – ресурсы. Следует в этой связи отметить, что «как показывает практика, затраты на трансформацию неэффективных институтов велики, но отсутствие адекватной рынку институциональной структуры приносит экономической системе еще большие потери» [3, с. 13].

Схема взаимодействия общественных институций: 1 – материальный (ресурсный) тип взаимодействия; 2 – целеобразующий; 3 – нормозадающий; 4 – методический

Рассмотрим вопрос о том, что и в какой форме до настоящего времени понималось под общественным целеполаганием. Преобладающими в данном контексте до сих пор являлись и являются локальные институциональные задачи в рамках каждого отдельно взятого социального института.

В сфере действия института экономики в ряду таких целей находятся: повышение доходов населения; повышение эффективности производства; увеличение рентабельности (доход-

ности) бизнеса; рост валового внутреннего продукта; повышение благосостояния населения или удовлетворение его растущих потребностей.

В сфере, подведомственной *институту государства*, в качестве главных целей можно привести: рост бюджетных доходов; повышение обороноспособности страны; социальное обеспечение нетрудоспособного населения.

Институт культуры руководствуется следующими основными целями: повышение образовательного и культурного уровня населения; обеспечение преемственности этики, знаний и сохранение их престижа в общественном сознании.

Для *института религии* приоритетными являются: обеспечение соблюдения духовных традиций социума; сохранение самосознания населения как духовного преемника традиций предшествующих поколений.

Институт науки и образования имеет цели, по существу сходные с целями института культуры.

Нетрудно убедиться в том, что каждая из этих локальных институциональных целей, будучи в отдельности безусловно важной, ни при каких условиях не может претендовать на статус глобальной общественной мотивации.

Можно привести в качестве примера ситуацию 1970–1980-х годов в СССР, когда такие понятия, как «развитый социализм», «полностью и окончательно победивший социализм», «социализм с человеческим лицом», «первая стадия коммунизма», кроме пафосного смысла ровным счетом ничего не значили и ничего определенного не обозначали, точно так же, как и обратный пример, связанный с понятием «американская мечта». Это понятие также не имеет никакого теоретического, практического и логического наполнения (равно как и мотивационного смысла) и обозначает, при этом весьма расплывчато, некое состояние субобщества, при котором каждый обладатель подобной «мечты» был бы доволен своей жизнью и уровнем потребления.

В условиях институционального противоборства главное место в иерархии общественной мотивации естественным образом заняла рыночная, «свободная» экономика как институт, представляющий сферу ресурсного обеспечения. Есть все основания полагать, что с этой ролью экономика свободного рынка закономерно не справилась, и в частности, по причине фактического отсутствия действия экономических законов в отношении формирования доходов владельцев бизнеса. Практика показала, что экономические рычаги, стимулы и даже закономерности действуют лишь в сфере производства и первичного распределения; на уровне микроэкономики и в отношении наемного труда.

Одним из инструментов мотивационного воздействия на общественные отношения мог бы стать надгосударственный законодательный и исполнительный орган. Но этому мешают межгосударственные и межклассовые конфликты экономических интересов с одной стороны и отсутствие единого общепринятого общественного целеполагания с другой.

Как уже было отмечено выше, первенство в попытках постановки и осуществления глобального целеполагания (не считая локальных попыток Оуэна и теоретических построений других утопистов) принадлежит идеологам коммунизма. Эту точку зрения разделяют, в частности, В.М. Клычников, В.И. Якунин, С.С. Сулакшин и др. [6]. Не рассматривая вопрос соответствия декларируемых принципов реальной политике, можно утверждать, что советскими конституциями в науку были внесены значительные новеллы, «в результате чего в развитии конституционного права в мире был осуществлен поворот к социальным аспектам, к вопросам устройства общества» [9, с. 10].

Но наряду с качественным прорывом в формировании общественной мотивации формулировки индивидуальных по своей природе целей явно не соответствуют надэкономической природе глобального общественного целеполагания. Программа КПСС, принятая в 1961 г., целиком проникнута концепцией «максимального удовлетворения». В этой программе «все более полное удовлетворение растущих материальных и культурных потребностей» выступает уже не только *экономическим* законом, а окончательной *целью* социализма [8, с. 64, 99].

Важно, что в исследованиях, посвященных высшим государственным целям, рассматривается понятие «национальная идея». Это, как представляется, знаковое заблуждение, тем не менее, представляет известную полезность в плане необходимости вскрыть существенные различия между всякой идеей (тем более национальной) и генеральной общественной мотивацией.

«Что такое национальная идея, русскому человеку, каждому российскому гражданину не надо растолковывать. Это смысл жизни российского общества и государства, тот самый смысл, без которого ни общество, ни государство исторически нежизнеспособны», – пишет В.И. Якунин [11, с. 36]. Если принять во внимание, что им же дается толкование так называемого «оксфордского» перевода, в том смысле, что понятие «государственная идея» тождественно понятию «национальная идея», то, возможно, данное выражение не самое удачное в контексте понимания логики мотивации, потому что может последовать вопрос: тогда что же такое смысл жизни, и, самое главное, в чем он состоит?

В самом процессе поиска *национальной* идеи кроется мотивационный конфликт, потому что в этом случае уровню субобщества (государства) присваивается высший уровень обще-

ственного целеполагания. На самом деле, есть основания полагать, что никакого конфликта в этом нет, если применить такой подход не к государству, а к человеческому обществу в целом.

Примерно то же несоответствие уровней при полной справедливости выводов, по видимому, наблюдается в позиции С.Г. Кирдиной: «Базовая идея как идеологический институт отражает и постоянно воспроизводит осознание членами общества его внутренней природы и определяет поведение людей в экономической и политической сферах. В экономической сфере базовая идея и основанная на ней идеология служат естественным критерием принятия решений о направлениях использования общественного продукта, создаваемого населением страны» [4, с. 102]. В соответствии с данной институциональной классификацией, базовая идея, с одной стороны, включается в сферу действия института идеологии, с другой стороны – основывает саму идеологию. Однако представляется следующее:

а) *базовая идея* может находиться в ведении исключительно института мотивационной деятельности, при том что, действительно, идеология основывается и функционирует именно на ее основе;

б) *базовая идея* (иначе говоря, «институт мотивационной деятельности») действительно доминирует над институтом идеологии, но *генеральная* мотивация может быть только одна (не может быть *базовой* идеи для экономики, политики, идеологии и т.д.);

в) в экономической сфере не может быть никакой иной идеи (тем более базовой, тем более основанной на ней идеологии, относящейся к иному, вышестоящему социальному институту) кроме собственно единой экономической мотивации, заключающейся в максимизации потребления и минимизации издержек.

Удивительно методически точный мотивационный подход можно найти в преамбуле Конституции Исламской Республики Иран 1979 года (что лишним раз указывает на важность правильного выстраивания мотивационных приоритетов, характерную, в частности, для теократий): «Экономика – это средство, а не цель. В деле укрепления экономического потенциала самое важное – это удовлетворение потребностей человека на пути его развития и духовного роста» [7]. И хотя по понятным причинам конкретная конечная цель осталась за рамками данной Конституции, нельзя не отметить принципиально иной подход этой страны к общественному целеполаганию, по сравнению со странами с экономической свободой рынка.

В качестве выводов представляется необходимым констатировать следующее:

1. Для обеспечения функционирования института мотивационной деятельности необходима особая отрасль международного права, а также надгосударственная система перераспределения общественных ресурсов, сходная по механизму действия с налоговой системой.

2. Приоритетным инструментом для формирования общественной мотивации, наряду с экономикой, являются институты культуры и религии, эффективное действие которых несовместимо с выходом экономической мотивации на высший уровень иерархии целеполагания.

3. Деятельность института единой общественной мотивации обеспечит эффективность воздействия экономических законов на процесс общественного производства, поскольку это обстоятельство устранил верховенство экономической мотивации.

Список литературы

1. **Астафьев И.В.** Сквозной ресурсный учет затрат как средство и методологическая основа организации общественной деятельности и функционирования института общественного целеполагания в постиндустриальной системе // *Экономические науки*. – 2009. – № 54. – С. 136–141.

Астафьев Игорь Владимирович,

Костромской государственной университет,

кандидат экономических наук, докторант кафедры экономики труда и институциональной теории института экономики,

e-mail: iwa@hotbox.ru

2. **Астафьев И.В.** Шанс мира. – Кострома: Костромская областная типография им. М. Горького, 2007.

3. **Гибало Н.П.** Традуктивные предпосылки устойчивой институционализации новых экономических отношений // *Проблемы новой политической экономии*. – 2003. – № 1–2. – С. 10–21.

4. **Кирдина С.Г.** Институциональные матрицы и развитие России. – М., 2000.

5. **Клычников В.М.** Конституционное воплощение высших ценностей государства // *Конституции стран мира о высших ценностях государства: российская рефлексия: мат-лы науч. семинара*. Вып. 4. – М.: Научный эксперт, 2007. – С. 36.

6. **Конституции** стран мира о высших ценностях государства: российская рефлексия: мат-лы науч. семинара. Вып. 4. – М.: Научный эксперт, 2007.

7. **Конституция** Исламской Республики Иран. 1979 г. Преамбула.

8. **Программа** Коммунистической партии Советского Союза. – М.: Госполитиздат, 1961.

9. **Чиркин В.Е.** Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. – М., 1998.

10. **Шабалин В.Д.** Статистический портрет экономики. – Кострома: Изд-во Костромской ГСХА, 2008.

11. **Якунин В.И.** Государственная идеология и национальная идея: конституционно-ценностный подход // *Конституции стран мира о высших ценностях государства: российская рефлексия: мат-лы науч. семинара*. Вып. 4. – М.: Научный эксперт, 2007.